

ДОКУМЕНТ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В АРХИВЕ СЕМЕЙСТВА РОКФЕЛЛЕРОВ

Многочисленны и разнообразны свидетельства участников и очевидцев событий Великого Октября. Среди документов об Октябре 1917 г. видное место принадлежит и материалам иностранного происхождения. Дипломаты и корреспонденты газет, а также представители различных организаций, находившиеся тогда в Петрограде, Москве и других местах, писали о своих впечатлениях и отношении к событиям тех дней. Многие из написанного тогда и позднее уже опубликовано, но многое продолжает оставаться неизвестным. К категории не использованных еще наукой документов принадлежат и обнаруженные нами в личном архиве семейства Рокфеллеров письма преподавателя политических наук Университета штата Иллинойс Р. М. Стори.¹ Будучи завербован американской «Христианской молодежной ассоциацией», Стори провел 1917—1919 гг. в России, а затем вновь вернулся в США и стал профессором университета. В Советской России он жил в Петрограде, Москве, а затем отправился в Сибирь. В письмах к жене Стори подробно описал обстановку в стране после социалистической революции.

Как и почему эти письма затем попали к Рокфеллеру?

Письма Стори напечатаны на гектографе. В них нет обращения и традиционных для письма заключающих фраз. После даты следует текст, который содержит только информацию о политическом положении в стране. Размноженные таким образом, личные письма Стори, судя по всему, предназначались для служебного пользования. Оба обнаруженных письма — от 30 декабря 1917 г. и 29 января 1918 г.² — содержат 12 страниц плотной, без интервалов машинописи. К ним подколота записка на типографском бланке Джона Д. Рокфеллера с адресом его имения Лейквуд в штате Нью-Джерси, из которой следует, что Рокфеллер ознакомился с этим документом. Как видно из сопроводительной бумаги, эти письма были переданы Рокфеллеру главнокомандующим американскими вооруженными силами в Европе генералом Д. Першингом.

Джон Д. Рокфеллер Младший и Першинг были хорошо знакомы и часто встречались до войны. Оба входили в организацию

¹ Rockefeller Archives. New York.

² Помимо названных писем, в настоящей статье использован ряд документов из других архивов, а также материалы, принадлежавшие частным лицам, включая влосу Р. Стори, которые по моей просьбе были присланы в СССР уже после возвращения из командировки в США в 1969 г. Приношу благодарность всем, кто прямо или косвенно содействовал получению указанных материалов.

«Национальная гражданская федерация», объединявшую социальные верхи Америки и созданную в интересах поддержки их классовой солидарности. Таким образом, Першинг мог переслать письмо Стори Рокфеллеру просто для прочтения, как знакомый. Кроме того, Рокфеллер мог получить эти письма еще и потому, что «Христианская молодежная ассоциация» существовала в значительной мере на средства Рокфеллеров, которые финансировали различные виды миссионерской деятельности в расчете на то, что миссионеры будут способствовать продвижению их деловых интересов на мировых рынках. Кстати, этот метод себя вполне оправдал, и миссионеры действительно способствовали экспансии США.

Теперь необходимо ответить на вопрос, как письма Стори попали в руки главнокомандующего американской армией. Здесь может быть два варианта. Прежде всего Стори мог сам находиться на службе американской разведки и под видом писем жене переправлять деловые донесения. Мы не знаем, что содержали разделы, не включенные в гектографированный вариант. Но то, что вошло в него, представляет собой сугубо деловой отчет. Подтверждением этой версии служит тот факт, что американские международные организации вроде «Христианской молодежной ассоциации», как правило, выполняли определенные политические и разведывательные задания. Представители «Христианской молодежной ассоциации» вели работу среди солдат русской армии на различных фронтах и, видимо, делились своими наблюдениями с американским командованием. Сам Стори впоследствии утверждал, что они действовали «совершенно независимо», но в то же время признавал, что «привыкли принимать свои решения, консультируясь с представителями американского правительства».³ В другой раз в устном заявлении Стори подтвердил, что не видит для себя разницы в том, кому служить — Ассоциации или правительству.⁴ Позднее, разъезжая в качестве христианского миссионера по городам Сибири, он занимался сбором экономических и политических сведений.⁵

Вместе с тем нельзя исключать того, что письма Стори к жене могли достаться разведке в результате перлюстрации, хотя этот вариант менее вероятен. Как бы то ни было, остается фактом, что частная переписка попала в руки властей и была использована ими в целях политической информации.

Закономерно поставить и такой вопрос: какое место занимают письма Стори как документ и источник о событиях Октября 1917 г. среди прочих свидетельств американцев? Диапазон этих свиде-

³ Стори — Д. Мотту (руководителю международного, отдела Ассоциации) 19 марта 1919 г.: Youth International Missionary Christian Association (YMCA), Archives.

⁴ Протокол совещания представителей Ассоциации в Самаре 21 марта 1918 г. Colton papers. Personal Collection.

⁵ Стори — Д. Мотту 19 марта 1919 г. YMCA, Archives.

тельств чрезвычайно велик: от самых дружественных (письма, корреспонденции и книги Д. Рида, А. Р. Вильямса, Дж. Дэвиса) и до самых враждебных (корреспонденции и воспоминания посла США Д. Фрэнсиса, донесения консулов США и представителей деловых фирм).

Впечатления Стори нельзя отнести ни к той, ни к другой категории. С одной стороны, его глубоко потрясли и поразили события, в результате которых обездоленный, задавленный тиранией народ наконец обрел свободу. Американский миссионер восхищается энтузиазмом масс и энергией молодого большевистского правительства, обеспокоенного заботой о благе народа. С другой стороны, в этих письмах сквозит неверие в способность пролетарского правительства справиться с положением. Автор не скрывает своих симпатий к капиталистической системе. Многие мероприятия Советского правительства и планы социалистических преобразований кажутся ему невероятными, причем эти настроения в письмах Стори постепенно нарастают. Тем не менее эти документы представляют значительный интерес: они содержат много честных, искренних признаний. И поскольку письма Стори никогда не публиковались, остановимся на их содержании.

Главная тема писем — политическая обстановка в стране. Характеризуя ее, автор говорит, что центральная власть находится в руках большевиков, «группы радикалов, которые мечтают о претворении в жизнь идей международного социализма, как жизненно важного и решающего фактора в мировых делах». «Фактически они не имеют организованной оппозиции. Они опираются на поддержку армии, рабочего класса и крестьянства. Эти три группы составляют огромное большинство, говорят, 90 процентов народа. В программе большевиков эти люди увидели какую-то надежду — при старом порядке у них не было почти ничего. Крестьяне получили большую часть земли помещиков. Рабочие захватили фабрики и платят зарплату собственникам за их труд. Оружие находится в руках армии, и она сделала это возможным». Американский представитель считал, что «были допущены достойные сожаления грубые ошибки», но преобразования проводятся с большой «тщательностью» «при минимуме беспорядков». Сильной стороной позиции большевиков в глазах народа, по его словам, было то, что они «начали мирные переговоры». Стори заключал: «Никакой режим, за исключением большевиков, не имеет организованной поддержки на севере России. Она может появиться, но на сегодня монархисты и средний класс буржуазии целиком скованы... Россия главным образом в руках пролетариата».

В других районах страны обстановка «до некоторой степени отличалась». На Украине, используя «националистическую пропаганду», создали сепаратное правительство, однако утвердившаяся таким образом власть испытывала «внутреннюю слабость». «Это заставляет меня усомниться, сможет ли она долго продер-

жаться. Прежде всего националистическая пропаганда на Украине длительное время поощрялась Австрией, как средство ослабления России, и, следовательно, находила поддержку среди небольшой части украинского народа. Те, кто сейчас находится у власти, несомненно представляют меньшинство населения, и их основная сила заключается в том, что они временно получили поддержку со стороны всех враждебных большевикам элементов». Кроме того, эти люди вступили в контакт и сотрудничают с донскими и терскими казаками. «Но среди казаков появились большевистские фракции. Они достаточно серьезны, чтобы расколоть казачество. И если казаков пошлют против большевиков, они проиграют им. Я боюсь, что надежды многих из Северной России, кто рассматривает казаков как возможных спасителей страны, будут рассеяны. Грустно смотреть, как совершенно терроризованные люди связывают свою судьбу с лицами и группами, которые уже не более, чем переломленный тростник. Самое худшее в этой ситуации то, что они еще могут повернуть назад к царизму, как к одному из путей — выходов из нынешнего положения. Любое имя — одно имя, которое всплывает в этих условиях, конечно, будет принадлежать диктатору, человеку с абсолютной властью». По мнению Стори, «Керенский потерпел поражение, потому что не хотел следовать этому курсу».

Большевики задают тон политической обстановке в стране. Какова же их роль и положение в управлении государством? Американский представитель не видит «ясно оформленной политики». Большевики «тратят много времени и энергии» «на споры и дебаты»: «на улицах и публичных митингах, в судах и Советах». «Старая Россия уходит, разрушается и, вероятно, исчезает при таких условиях, что возврат к прошлому будет трудным, если не невозможным. Но многое еще может быть сделано, если эти споры продолжатся. Впрочем, едва ли кто-нибудь сумеет сохранить много из старого порядка: он оставил ужасные следы на этом несчастном народе». Однако есть и такие, кто заинтересован в разжигании словесных дебатов. В то же время люди хотят выговориться. «Если не слышать этого, вы не поймете, но, кажется, со времен библейской пятидесятницы люди впервые обрели новый дар речи. Они говорят громко и серьезно. Каждый хочет сказать, что он думает... Я убежден, что мир должен знать о новом взрыве красноречия. Это результат революции. Например, безграмотный, необразованный солдат подымается ночью на заседании Совета и произносит следующую крылатую фразу: „Я пришел из таких мест, где люди роют себе могилы и называют их траншеями“. Такие голоса и такой пылкий дух видны повсюду». «Политическая власть передана Советам, состоящим из представителей рабочих и солдат. Степень, в которой организовано представительство этих групп, поистине экстраординарна. Практически каждая отрасль промышленности, включая квалифицированных и неквалифицированных рабочих, ныне после-

довательно организована. Фабрики сами заботятся о своих интересах. От всех этих групп избираются делегаты на съезды, а последние избирают Советы, т. е. тех, кто призван действовать и совещаться. Центральная власть для всей России — Совет Народных Комиссаров, заседающий в Петрограде».⁶

Американские представители проявляют большой интерес к действиям и намерениям советских руководителей. «Никто не в состоянии предсказать, что может произойти в России, но, по моему мнению, большевики сильнее, чем любая другая партия», — вновь и вновь повторяет Стори. Он делает попытку встретиться с В. И. Лениным. «Насколько мне пришлось иметь дело с членами нынешнего правительства, я всегда встречал с их стороны вежливый, обходительный прием и обязательное отношение. В результате их дружеских усилий и желания помочь мне вчера вечером я встретил г-на Ленина». Стори рассказывает, что один из его коллег — американцев — сказал, что в Смольном будет выступать Ленин. Он отправился туда, но это оказалось ошибкой. «Мы обнаружили, что его выступление совсем не предполагалось, но нас тем не менее ему представили и мы имели с ним короткий разговор».⁷ Эти строки были написаны 18 января 1918 г. 11 дней спустя, в письме из Стокгольма, Стори снова вспоминает о том, что он «имел краткую встречу с Лениным», о которой, как он писал, «я расскажу более подробно по возвращении».⁸ К сожалению, никаких других свидетельств об этой встрече не сохранилось. Не могут ничего вспомнить по этому поводу ни здравствующие ныне вдова Стори, ни его коллега по «Христианской молодежной ассоциации» Дж. Дэвис.

В своих письмах Стори пытается дать и характеристику экономического положения Советской России. «Процесс производства целиком нарушен. Это относится как к области сельского хозяйства, так и промышленности». Посевы в 1918 г. составят 40% от обычного уровня. В результате перехода земельных владений из одних рук в другие многие площади остались незасеянными. Отсутствие техники и тягловой силы усугубляет кризис в сельском хозяйстве. «Факты таковы, что Россия стоит перед угрозой голода на последующие двенадцать месяцев». «Конечно, демобилизация русской армии, которая идет очень быстро, даст многим возможность перейти от войны к производству, и это может помочь в следующем году. Одно утешение для американца, наблюдающего за развитием событий, что наша страна может получить свою долю за попытки России заключить мир: Германии не достанется здесь много — ни продовольствия, ни других товаров».

Касаясь положения в промышленности и банковской сфере, Стори подчеркивал слабые стороны — падение производства и

⁶ Стори — жене 30 декабря 1917 г. Rockefeller Archives. New York.

⁷ Стори — жене 18 января 1918 г. R. Story papers. Personal collection.

⁸ Стори — жене 29 января 1918 г. Rockefeller Archives. New York.

растущую инфляцию. Он называл это «деморализацией», винил Советскую власть в неверном ведении дела и неумении управлять хозяйством. «Положение в промышленности все более осложняется невозможностью во многих случаях получить сырье, а также трудностями с транспортом. Работа по разрушению старого капиталистического порядка идет полным ходом. Возможность все начать сначала, бесспорно, существует. Но после того, как этот процесс завершится».

Какие же цели преследовала «Христианская молодежная ассоциация» в России? «Мы озабочены тем, чтобы утвердить в сознании русского народа, что Америка дружески относится к России. .. Лично я могу оставаться здесь, работая на Ассоциацию, только до тех пор, пока я могу способствовать осуществлению той большой задачи, которую преследует наша нация и которая, как мне кажется, сделает Россию более великой, чем когда-либо. Я не в состоянии, однако, ненавидеть этих людей, как, я полагаю, это делают многие из чисто военных соображений. Иногда мне кажется, что, находясь здесь и способствуя решению проблем, которые стоят перед русской революцией, и таким образом сохраняя, насколько это возможно, великую моральную силу, которую она дает, — самую великую в этой войне, — я в конце концов «лжу интересам Америки. .. Как раз сейчас люди нуждаются в сочувствии и помощи. То, что мы можем дать, а они — получить от нас, — это мужество и сердечность, если мы проявим заинтересованность и душевность, находясь рядом с ними. Спасение России придет изнутри, а не извне, но американцы и представители других стран могут своей верой, доброй волей и сочувствием дать новый дух и силу всем классам населения».⁹

Этот призыв сеять разумное, доброе, вечное на практике, однако, оказался не таким уж бесклассовым. 21 марта 1918 г. в Самаре состоялось совещание представителей Ассоциации в России, на котором один из коллег Стори, У. Р. Хэмфриз, прямо заявил: «Если нынешнее Советское правительство усилится в ближайшие месяцы, для нашей организации не останется места... Наша цель только в том, чтобы помочь молодым людям в области физической подготовки, образования и в общественном отношении. Здешнее правительство само собирается все это делать, за исключением религии». Они хотят «иметь другие организации для выполнения этой работы». Между тем представители Ассоциации придавали особое значение тому обстоятельству, чтобы их работа велась под американским флагом. «Я думаю, — говорил Хэмфриз, — что те, кто остается здесь, хотят приспособиться к условиям и бескорыстно служить России, могут это делать. Но мы должны выступать как американцы». К этой точке зрения присоединился и Стори: «Если кто-либо думает о постоянной работе в России..., то ему остается одно — заняться изу-

⁹ Стори — жене 30 декабря 1917 г. Rockefeller Archives. New York.

чением языка. На сегодня здесь нет никакого другого дела».¹⁰

Захваченный вначале бурным течением героических дней, которые потрясли мир, Стори многое впоследствии пересмотрел, подойдя к событиям с иных позиций. В начале 1918 г. его послали в Стокгольм для получения инструкций о дальнейшей деятельности в России. Те самые вещи, о которых он писал раньше, представляются ему из-за рубежа в совершенно других красках. «Наибольшее значение, по-моему, имеет тот факт, что власти в Петрограде практически более враждебны к западным демократиям, нежели к германскому самодержавию. Они считают, что свержение германского самодержавия будет сравнительно легким после войны, но они чувствуют, что борьба с капитализмом на Западе будет настоящим сражением». Американца возмущает «презрительное отношение» к внешней политике США. Революция в России, пишет Стори, «повторяет энтузиазм французских революционеров», и при условии «надлежащей организации» она может создать угрозу «тому мировому порядку, который мы знаем». Американский представитель приходит к выводу о бесплодности своей деятельности в России. Он выражает опасение, что события, свидетелем которых был, могут оказаться «прологом» новых потрясений. «Я уверен, — заключает Стори, — что истинное значение происходящих в России событий не понято в Америке».¹¹

События в России не были поняты в Америке, но в несколько ином смысле, чем об этом говорил Стори. Правящий класс заокеанской державы не желал понимать и признавать права молодой Советской республики на самостоятельное существование. В правящих кругах США сознавали, что события русской революции глубоко враждебны природе капитализма, и это определяло американскую позицию в отношении советской страны на протяжении последующих лет.

Что же касается самих писем Стори, то есть основания считать, что и они, несмотря на всю умеренность позиции автора, не были поняты и приняты в Америке ни Рокфеллерами, ни их окружением. Как свидетельствуют американские историки Д. Гибб и Е. Ноултон в книге по истории рокфеллеровской нефтяной компании «Стандард ойл», ее правление старательно коллекционировало в это время различного рода свидетельства о неминуемом падении Советской власти.¹² За действительное принималось желаемое, и вера в это желаемое была настолько велика, что в июле 1920 г. Рокфеллеры приобрели за 11,5 млн долларов имущество уже национализированной крупнейшей нефтяной ком-

¹⁰ Протокол совещания представителей Ассоциации в Самаре 21 марта 1918 г. Colton papers. Personal Collection.

¹¹ Стори — жене, 29 января 1918 г. Rockefeller Archives. New York.
¹² G. S. Gibb, E. H. Knowlton. The Resurgent Years. New York, 1956, p. 333.

пании России Нобеля. Право же, надо было обладать немалой уверенностью, чтобы пойти на такой огромный расход! Письма Стори, несмотря на имевшуюся в его оценках непоследовательность, такой уверенности не давали. Этой цели послужили другие документы.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что какими бы недостатками ни страдало мировоззрение Стори, его свидетельство о событиях 1917 г. в Петрограде представляет для нас интерес. Это документ, характеризующий позицию определенных американских общественных кругов. И он интересен еще потому, что может служить источником для изучения эволюции американских взглядов в отношении Советского государства.